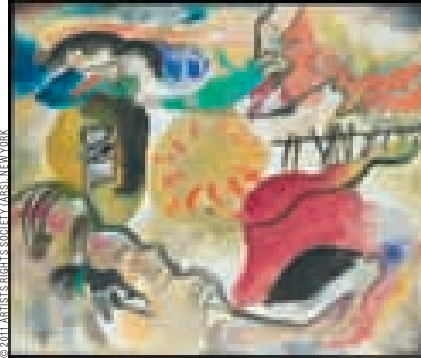
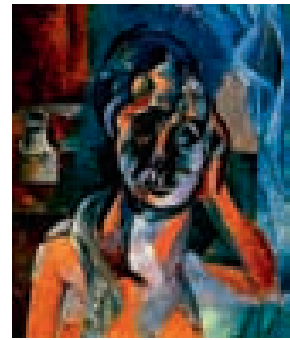

Василий Кандинский. «Импровизация №27 (Сад любви II)», 1912 год

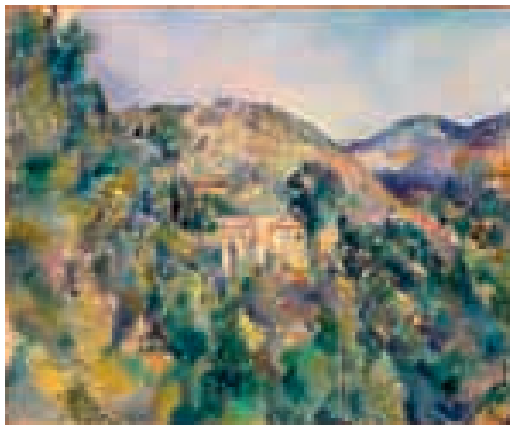

Франсис Пикабия. «Танец у источника», 1912 год

Пабло Пикассо. «Женщина с горшочком горчицы», 1910 год

КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ ОТВОДИЛАСЬ ЕВРОПЕЙСКОМУ АВАНГАРДУ — ФОВИЗМУ И КУБИЗМУ

Поль Сезанн. «Имение Сент-Жозе», конец 1880-х

Чарльз Шилер попал под тлетворное сезанновское влияние. И что Армогу стала, в сущности, манифестом художников, близких авангардной галерее «291» Альфреда Штиглица, где — без всякого шума — уже дважды показывали «ужасных» фовистов. Разве можно было всерьез относиться к этим ребяческим выходкам, когда перед американским искусством стояли куда более важные проблемы?

Из Нью-Йорка выставка переехала в Чикаго, и там началось настоящее расследование в отношении одной работы. Абастению Эберли, нынешнюю икону феминизма, одаренную портретистку и мастерицу фонтанных статуй, заподозрили в пропаганде педофилии и проституции: цензоры-пуритане решили, что скульптурная группа «Белая рабыня» с обнаженной девочкой-подростком подле сутенера, зазывающего клиентов, была «слишком реалистическим изображением алчности и похоти». Вообще же на Армогу численно преобладала местная школа, и члены Ассоциации американских живописцев и скульпторов использовали арсенал как площадку для дискуссий, со скандалом снимая свои вещи с экспозиции и обмениваясь гневными письмами в газетах. Словом, шла обычная художественная жизнь.

Иностранный раздел Armory Show был составлен не без искусствоведческого изящества и с экскурсами в историю: внимательная публика могла бы заметить, что тонкая связующая нить идет от Гойи к Домье и Курбе, а от них — к Ван Гог, Гогену и экспрессионистам, что Делакруа и Коро предвосхищают импрессионизм, что наивный Таможенник Руссо стремился туда же, куда стремятся ученые фовисты. Выставка во многом была обращена к художникам, и лучшие из них поняли смысл послания. Роберт Генри, первый живописец Нью-Йорка и лидер «мусорных», мнивший себя отважным экспериментатором и первопроходцем, был совершенно подавлен напором и дерзостью европейских варваров: стоит

сравнить его робкую «Обнаженную в движении» и дюшановскую «Обнаженную, спускающуюся по лестнице», чтобы понять, кому принадлежало будущее.

Скандал, как обычно, сыграл свою рыночную роль. Дилер из Сан-Франциско Фредерик Торри, не видев картины, всего за \$324 купил «Обнаженную, спускающуюся по лестнице», привлеченный дружным лаем журналистов. Увидев, влюбился, повесил в собственном доме и расстался с оригиналом — после «Фонтана» и прочих реди-мейдов спрос на Дюшана в Америке вырос — только после того, как заказал для себя копию. Теперь оригинал «Обнаженной» — в Художественном музее Филадельфии, а копии — в каждой истории искусства XX века. Надо заметить, все до единой работы Дюшана с Армогу были распроданы. Музей Метрополитен приобрел на выставке «Холм бедняков» Сезанна — твердыня высокого и классического искусства пала. Скандальных европейцев покупали куда охотнее добропорядочных американцев: 125 работ против 51. Armory Show, благодаря фандрайзерским стараниям организаторов и неожиданной рекламной помощи прессы, сформировала новый класс коллекционеров европейского авангарда, в их рядах оказался и легендарный доктор Барнс. Конечно, до послевоенных триумфов американского искусства было еще очень далеко. Но, как сказала Вирджиния Вулф по аналогичному поводу о первой выставке постимпрессионистов в Англии, устроенной Роджером Фраем в 1910-м и вызвавшей такое же отторжение, «человеческий характер изменился».